

М. В. Филиппенко
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург – Новосибирск

Покровители рубежей: концепт власти в памятниках латинской гимнографии Испании и Сицилии XII в.

Одна из основных проблем в исследовании средневековых жанров связана со сложностью выделения критериев, по которым они определяются. Внелитературная функция текста зачастую оказывалась в прямой зависимости от того исторического контекста, в котором происходило его зарождение, и состояла в решении задач идеологического порядка.

В центре внимания настоящей статьи лежат особенности концептуального восприятия власти населением периферии латинского мира в XII в., нашедшие свое отражение в кондукте — гимнографическом жанре того времени. Представляющий собой малый жанр латинской гимнографии XII–XIII вв., кондукт не имеет на сегодняшний день четкого филологического статуса. Предположительно он возник как песнопение интермедийного характера, предшествующее на богослужении чтению Священного Писания и исполнявшееся во время шествия священнослужителя из алтаря к амвону (см.: [Ellinwood, p. 165]). В музыкальном отношении произведения этого жанра представляли собой композиции, выходящие за рамки традиций григорианского хора. Относительная тематическая и мелодическая самостоятельность способствовали вынесению на первый план словесного содержания.

Несмотря на то, что почва для возникновения нового жанра была подготовлена в Лиможе, впервые такие образцы гимнической поэзии, имеющие подзаголовок «conductus», встречаются в двух рукописях: норманно-сицилийском манускрипте, имеющем в научной литературе обозначение MSS 289, и т. н. «Кодексе Каликста». В первом кондукты посвящены праздно-

ваниям Рождества Христова, во втором — почитанию памяти святого апостола Иакова Зеведея. Кондукты этих источников являются, по всей видимости, оригинальными произведениями, созданными для исполнения в Палатинской капелле города Палермо и в Соборе Святого Иакова города Сантьяго-де-Компостела.

Природа кондуктов противопоставлена общему строю церковной службы. Ранние произведения этого жанра, появившиеся в то время, когда от латинского языка стала требоваться понятность для прихожан, потребовали соответствующей стилистики и применения определенных художественных средств. Лаконизм, которым характеризуется большинство этих текстов, наделяет произведения некоей афористичностью, проявляющейся на контрасте (основном принципе поэтики жестов) с велеречивостью латинской службы. Ее задача — обеспечить понимание и запоминание текстов всеми участниками богослужения. Поэтому лапидарность является сознательной художественной позицией, а не недостатком.

Сделанный на сегодняшний день текстологический анализ «Кодекса Каликста» позволяет высказать предположения о причинах уникальности содержащихся в нем кондуктов. С одной стороны, содержание рукописи свидетельствует о том, что кондукты не мыслились как отдельный жанр. Они существовали как часть культа святого Иакова в конкретном сакральном пространстве. С другой стороны, содержание гимнов характеризуется актуальностью для определенных географических локаций, номинации которых закреплены в текстах.

В условиях военного противостояния мусульманам в период Реконквисты культ святого Иакова способствовал сплочению нации и превращению Сантьяго-де-Компостела в паломнический центр Западного мира. О значении имени апостола свидетельствует боевой клич испанцев: «Святой Иаков с нами — рази, Испания!» (“¡Santiago, у cierra Espana!”) — первые упоминания которого относятся к X в. А к XII в. относится ряд исторических фактов, ознаменовавших возросшее внимание к почитанию святого. Этим столетием датируется документ, написанный каноником компостельского собора Педро Марсио, который содержит описание битвы при Клавихо, где произошло чудесное явление святого Иакова войску

астурийцев. Огромную роль в распространении и развитии культа апостола сыграл учрежденный около 1160 г. для защиты паломников Великий военный орден Меча святого Иакова Компостельского.

Связь с культом святого апостола Иакова обнаруживается и в самих текстах кондуктов «Кодекса Каликста». В строении всех гимнов, посвященных этому святому, присутствуют определенные топосы — общие места, восходящие к топосам греческих энкомиев (см.: [Menander Rhetor]). В особенностях их содержания выделяются две тенденции: стремление подчеркнуть чудотворный дар апостола Иакова и акцентирование его статуса как воина-защитника. В первом случае в текстах в обобщенно-формульном виде содержатся указания на исцеления и чудеса, которые являл святой как во время своей земной, так и небесной жизни. Исцеляющая природа чудес раскрывается с помощью использования общего места (*locus communis*), выраженного устойчивым образно-тематическим комплексом: «слепым, хромым облегчение даровал» («*cecis, claudis levamen tribuit*»), «светом был для слепых и посохом для хромых» («*lux fuit caecis baculusque claudis*»). Во втором случае преодоление святым телесных страданий является его главным земным подвигом, благодаря которому апостол Иаков присоединился к небесному воинству и стал защитником, хранителем (*conservator*) и покровителем (*tutor*) христиан, не оставляющим своим попечением мир после своей земной смерти. И наряду с прославлением добродетелей апостола восхваляется земной удел святого — Испания, «царство галлисийское», где проповедовал и творил чудеса апостол Иаков.

И все же в художественном пространстве текстов святой Иаков является медиатором, проводником и смиренным исполнителем воли Всевышнего. Все деяния апостола направлены к единой цели — служению Богу. Прославление Его как источника верховной власти содержится в начальных строках большинства кондуктов.

Таким образом, исследования кондуктов «Кодекса Каликста» обогащаются представлениями о них, как о свидетельствах развития культа святого апостола Иакова Зеведеева. В условиях противостояния мусульманам именно культ апо-

стола стал центром кристаллизации основных духовных ценностей латинского мира и важным фактором формирования национальной идентичности (см.: [Стефаненко, с. 103–107]). В гимнах же святой Иаков представлен своеобразной персонафикацией ограждающей и защищающей природы высшей власти.

Для Сицилии XII век был временем энергичной экспансии нормандцев. Несмотря на сохранение определенной свободы вероисповедания населения, которое составляли и греки, и арабы, и норманны, начиная с XII столетия церковная иерархия на острове принимает «тот же вид римско-католических епископств, какой она имела в других частях Италии, во Франции, Англии или Германии» [Бартлетт, с. 18]. Однако именно в XII в. процесс этот проходил медленно и неохотно. Так, по утверждению Д. Норвича, император Рожер II установил твердый контроль над латинской церковью на острове и за все время его правления он разрешил строительство лишь одного крупного латинского монастыря в Палермо (см.: [Норвич, с. 90]). И все же национальная и религиозная разнородность, по всей вероятности, послужила причиной того, что объединяющим началом в этом регионе стала идея прославления светской власти, окруженной ореолом «ромейского» величия.

Для Сицилийского Королевства сохранение независимости и утверждение власти короля было важнейшей стратегической задачей политики короля Рожера II. Существование различных национальностей на одной территории должно было подкрепляться общей идеей. Формирование идеи государственности происходило под сильным влиянием византийской концепции симфонии, что и нашло свое отражение в памятниках гимнографии.

Кондукты сицилийской рукописи MSS 289 отличаются особым вниманием к концептам закона и царской власти. Посвященные Рождеству Христову, эти произведения и в образно-тематическом строении, и в особенностях использования стилистических и риторических приемов подчеркивают богоданность царской власти, окруженную подобающей ей торжественностью. Так, для именованного Бога в текстах этих произведений чаще всего используется лексика, определяющая Его как царя (*rex*). Акцентируется при этом обновленная,

данная свыше всеобъемлющая природа власти, выраженная следующими сочетаниями: «Новый Царь» (“Novus Rex”), «Царь царей» (“Rex regis”), «Царь славы» (“Rex glorie”), «Всевышний Царь» (“Rex supernus”), «Царь благочестивый» (“Rex pius”).

Кроме того, в отличие от кондуктов «Кодекса Каликста», большая часть текстов рукописи MSS 289 характеризуется наличием фрагментов, в которых подчеркивается совместное пребывание в состоянии духовной радости (часто для этого на уровне словообразования используется префикс con-, выражающий идею совместности: «совместно радуемся» (“congaudet”), «совместно обрадованные» (“conletatur”). При этом данное состояние является основным показателем пространства праздника — важнейшего объединяющего фактора, поднимающего людей «до некой всеохватывающей общности» [Гадамер, с. 157].

Центростремительные тенденции развития Сицилийского Королевства в середине XII в. ярко проявлялись во всех сферах общественной жизни населения, принадлежавшего к различным культурам (греческой, нормандской, арабской). Сохранить целостность такого сложного региона могла только идея сильной государственной власти, сконцентрированная вокруг фигуры правящего монарха. Невозможность ввести фигуру помазанника в гимнах (в отличие от мозаики церкви Санта-Мария-дель-Аммиральо в Палермо) усилила постоянное обращение к ореолу божественной власти. В художественном пространстве кондуктов сицилийского манускрипта Господь предстает именно как царь всего сущего, и наступление его царства дает возможность приобщиться к совместному переживанию духовной радости.

Список литературы

Бартлетт Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры, 950–1350 гг. / [пер. с англ. С. Б. Володиной]. М. : РОССПЭН, 2007. 430, [1] с.

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. 366, [1] с. (История эстетики в памятниках и документах).

Норвич Д. Расцвет и закат Сицилийского королевства, 1130–1194: нормандцы в Сицилии / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М. : Центрполиграф, 2005. 391, [8] с.

Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Моск. университета. Сер. 14 : Психология. 2009. № 2. С. 103–107.

Ellinwood L. The Conductus // The Musical Quarterly. 1941. Vol. 27. № 2. P. 165–204.

Menander Rhetor / ed. by D. A. Russell and N. G. Wilson. Oxford : Clarendon Press, 1981. XLVII + 391 p.